

Исходя из этого, можно сформулировать *сущность современного процесса экотонизации*, которая состоит, во-первых, в нарушении структуры, внутрисистемных связей и условий нормального функционирования геосистем, нарушении континуальности ландшафтного покрова, во-вторых, в возникновении новых граничных условий и систем (экотонных систем). При этом природные факторы экотонизации чаще всего выступают как фоновые, подстилающие, инвариантные.

Таким образом, нарушение естественной (нормальной) пространственно-временной структуры ландшафтного пространства под действием антропогенного фактора, расширение площадей различного рода геоэкотонных определяет *внешнюю сущность* современного процесса экотонизации геопространства, или *геоэкотонизации*. *Внутренняя сущность* этого процесса состоит в изменении природного биологического и ландшафтного разнообразия, повышении информационной емкости геопространства, снижении равновесия и устойчивости ландшафтной сферы и отдельных ее частей.

Поиск механизмов управления природными и антропогенными процессами, создания новой, адаптированной к совместным требованиям человека и природы пространственной структуры ландшафтной сферы, в которой экотонные системы антропогенного происхождения по своим свойствам и функциям будут близки к природным, позволит превратить процесс экотонизации геопространства в регулируемый процесс с заданными свойствами. Одним из путей создания такого геопространства является территориальное планирование, которое позволит свести к минимуму или вовсе избавиться от явления «нежелательной экотонности», связанной с появлением территорий без определенного функционального назначения, деструктивных территорий (нерекультивированных карьеров, заброшенных сельскохозяйственных территорий, выработанных шахт и т.п.).

Источники и литература

1. Мартынов В.Л. Пространственная самоорганизация общества и проблемы регионального управления. Геопространственные системы: структура, динамика, взаимосвязи // Труды 12 съезда Русского географического общества. Т. 2.- СПб., 2005.- С. 157-160.
2. Каганский В. Вопросы о пространстве маргинальности // Социология маргинальности. НЛЮ. – 1999.- № 37.
3. Ретеюм А.Ю. Земные миры. - М.: Мысль, 1988. - 268 с.
4. Родоман Б.Б. Основные типы географических границ / Географические границы. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – С. 19-32.
5. Бобра Т.В. Ландшафтные границы: подходы к анализу и картографированию.- Симферополь: Таврия-Плюс, 2001. – 165 с.).
6. Коломыйц Э.Г. Ландшафтные исследования в переходных зонах. - М.: Наука, 1987. - 118 с.
7. Якомяги Ю., Кюльвик М., Мандер Ю. Роль экотонных в ландшафте // Структура и ландшафтно-экологический режим геосистем. Ученые записки Тартуского ун-та. - Тарту: Изд-во Тарт. ун-та, 1988. - С. 96-118.

Масаев М.В.

БОРОДИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ – СИМВОЛ ПОБЕДЫ ИЛИ ПОРАЖЕНИЯ. К ВОПРОСУ О РОЛИ СИМВОЛА В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Бородинское сражение – символ победы или поражения. Сразу же возникает вопрос: для кого? Для России – это символ победы, хотя после этой победы русские войска отступили и даже... сдали без боя древнюю столицу России Москву. Для Франции – это символ поражения, тем более поражение это было очевидным сразу же после окончания боевых действий, ведь французы оставили захваченные в ходе сражения позиции и отступили, но затем они, увидев отступление русских, перешли в наступление, заняли без боя древнюю столицу России Москву, затем также без боя оставили ее и отступали уже с боями до самого Парижа. Символ может переворачиваться. Об этом пишет французский философ Рене Генон в своих «Символах священной науки» (“Simboles de la science sacree”) [1] и, особенно, в «Царстве количества и знаменьях времени» (“La regne de la quantite et les signes des temps”), в главе XX «Переворачивание символов» [2, с.216 - 222]. Рене Генон считает, что двойственность символа – это не оппозиция, а взаимозаменяемость. [2, с.216], что обе позиции одного и того же символа могут иметь законное значение [2, с.220]. Главное, по Рене Генону, - это «присутствие реальной воли к «переворачиванию» [2, с.220]. Правда, Рене Генон говорит больше о символах как графических знаках, хотя все это можно отнести к любому символу. Ведь, по мнению представителя Чикагской школы символического тнтеракционизма, профессора философии Калифорнийского Университета американского социолога и социального психолога Тамотсу Шибутани (Tamotsu Scibutani), символ – это «некий объект, образ действия или слово» [3, с.105], [4, с.108]. Причем под объектом следует понимать и событие, и дату, и личность и многое, многое другое, а не только графический знак. Таким символом следует считать Бородинское сражение 26 августа (7 сентября) 1812 года. Конечно, если бы войну выиграла Франция, победу в единственном генеральном сражении войны приписали бы Наполеону. Но Франция войну проиграла. Поэтому есть основания считать Бородино успехом М. И. Кутузова, кстати получившего за это сражение чин генерал – фельдмаршала. И это была не Пиррова победа, ставшая символом не победы, а поражения эфирского царя, а победа, ставшая символом русской победы и в Отечественной войне 1812 года и во всех наполеоновских войнах. «Не даром помнит вся Россия про День Бородина», - писал в своем знаменитом стихотворении «Бородино», ставшем народ-

ной песней, М. Ю. Лермонтов. «Из всех моих сражений, - вспоминал Наполеон, - самое ужасное то, которое я дал под Москвою. Французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми».[Цит.по: 5, с.164]. Но как расценить значение Бородинского сражения как такового вне контекста всей кампании. Вопрос этот до конца не решен. Как и не решен вопрос о победителе на Каталунских полях в 451 г. Европейская историография считает, что победили римляне. Ленинградец Мурад Аджи (Мурад Аджиев) убежден в том, что римляне не победили, а потерпели сокрушительное поражение от вождя гуннов Аттилы[6, с.106 - 109]. Есть у этого автора оригинальное мнение и о сражении на реке Калке в 1223 году. Если все считают, что здесь монголы победили русских и половцев, Мурад Аджи заявляет, что русские с поля боя бежали, а оставшиеся половцы наголову разбили монголов.[6] Но вернемся к битве на Каталунских полях, которая по своему символическому значению ближе к битве Бородинской. Оценивая сражение на Каталунских полях, Мурад Аджи исходит не только из того, что Аттила войну всё – таки выиграл. Отметил Мурад Аджи прежде всего то, что «утром, пощадив римлян, Аттила дал уйти недобитой армии Аэция, что европейские историки расценили по – своему, по – европейски: они засчитали Аттиле поражение, а повергнутому им Аэцию – победу».[6, с.108]. Сражение было на севере современной Франции, далее «побежденный» Аттила повернул на юг в сторону Рима, дорога к которому после разгрома Аэция оказалась открытой. «Поверженный» Аттила камня на камне не оставил от Северной Италии, «только чудо ... спасло Рим от неминуемого разорения», а блестящий «победитель» сам привел свою сестру, чтобы ублажить похоть «поверженного» врага.[6, с.109]. Но битва на Каталунских полях была в 451 г., и подробного описания ее не сохранилось. А Бородинское сражение описали со всеми возможными подробностями и великий писатель Лев Толстой в своем знаменитом романе «Война и мир», и «военное министерство» основоположника марксизма К.Карла Маркса в лице Фридриха Энгельса [7, с.256 - 261], и многие, многие другие. 415 страниц, посвященных Бородинскому сражению, содержит вышедший в 1962 г. в Москве сборник документов [8].199 страниц посвятили Бородино О. В. Федоров и В. К. Ушаков[9]. 100 страниц отвели описанию Бородинского сражения военные историки П. Жилин и А. Ярославцев [10]. На 94 страницах описал Бородинское сражение академик Е. В. Тарле [11]. Тем не менее неясностей и противоречий очень и очень много. Прежде всего выбор позиции. М. И. Кутузов в донесении Александру 1 от 23 августа 1812 г. сообщает: «Позиция, в которой я остановился при деревне Бородине в 12 – ти верстах вперед Можайска, одна из наилучших, которую только на плоских местах найти можно... желательно, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, тогда я имею большую надежду к победе».[12, с.176 - 177]. «Позиция была выбрана очень неудачно, - пишет в своей работе «Бородино» Ф. Энгельс, - атака против левого фланга, в случае успеха, приводила к полному обходу правого фланга и центра, и если при этом французам удалось бы достичь Можайска раньше отступления русского правого фланга, что было вполне осуществимо, то положение русских стало бы совершенно безнадежным. Однако после того как Кутузов отказался от превосходной позиции у Царева – Займища, избранной Барклаем, у него не оставалось иного выбора».[7, с.257]. В другой работе «Барклай – де – Толли»[13] вместе со своим другом К. Марксом Ф. Энгельс утверждает, что Барклай – де – Толли выбрал у Гжатска (у Царева - Займища – М.М.) «сильную позицию», «почти недоступную атаке с фронта, обойти которую можно было только обходными путями большой протяженности»... «В пику Барклаю – де – Толли Кутузов покинул позицию при Гжатске, в результате чего русской армии пришлось принять сражение на невыгодной позиции у Бородина» [13, с.93].Конечно, позиция у Царева – Займища сильная – ее почти нельзя атаковать с фронта и невозможно обойти. Стал бы Наполеон ее атаковать? М. И. Кутузов даже опасался, что Наполеон, «найдя мою (бородинскую – М.М.) позицию крепкою, маневрировать станет по другим дорогам, ведущим к Москве» [12, с.177]. И это позицию при Бородине, у не только Ф. Энгельс, но и сам М. И. Кутузов находил слабое место на левом фланге, которое он намеревался «исправить искусством» [12, с.176]. А что говорить о позиции «почти недоступной атаке с фронта». Справедливо опасаясь, что Наполеон, посчитав позицию у Бородина сильной, уйдет от сражения, М. И. Кутузов ещё в большей степени мог опасаться этого, если бы русская армия остановилась для сражения у Царева – Займища. Наполеон не так уж рвался в сражение, как в начале войны. Не случайно М. И. Кутузов отмечает в донесении Александру 1 от 23 августа 1812 г., что «он(неприятель – М.М.) стал чрезвычайно осторожен». [12, с.177].А М. И. Кутузов намеревался не только дать «символическое» сражение, не только хотел просто обескровить войска агрессора, но и серьезно помышлял о полном разгроме его. «Я имею большую надежду к победе», - доносил он царю перед генеральным сражением. [12, с.177].О возможности победы Наполеона писали все, в том числе и Ф. Энгельс [7, с.257, 259]. О возможности победы М. И. Кутузова не писал никто. Не писал об этом и советский военный историк П. А. Жилин ни в совместной с А. Ярославцевым работе о Бородинском сражении [10], ни в совместной с А. А. Смирновым статье «Бородино» в последнем, втором издании Советской Военной Энциклопедии [14, с.478 - 480], ни в своей, посвященной М. И. Кутузову книге «Кутузов. Жизнь и полководческая деятельность».[15], ни в «Гибели наполеоновской армии в России» [16]. А что уже говорить о недоброжелателях великого полководца, первым из которых был сам Александр 1.Дальновидно полагавший, что править после Екатерины II может только ее законный сын, а не кто – либо из незаконных детей ее любовников, М. И. Кутузов, в отличие от прочих екатерининских вельмож, которые презирали её законного сына Павла, относился к нелюбимому матерью сыну и наследнику престола весьма благосклонно. Став императором, Павел 1 приблизил к себе М. И. Кутузова и назначил его петербургским генерал – губернатором. Заговорщики, в числе которых был и будущий император Александр, ненавидели М. И. Кутузова как помеху осуществлению своих преступных планов. На убийство Павла 1 они смогли решиться лишь в отсутствие М. И. Кутузова в столице. Сразу же после убийства Павла 1 новый царь Александр 1 отправил М. И. Кутузова в отставку, навсегда сохранив к нему неприязнь как к лицу, приближенному к убитому при его (Александра) участии в заговоре отца. Ещё большую ненависть питал к М. И. Кутузову

Л. Л. Беннигсен, непосредственный участник убийства Павла I. Подданному Ганновера, государем которого к этому времени был Наполеон, Л. Л. Беннигсену Александр I как убийце своего родного отца, естественно доверял больше, чем тому, кто был приближенным к отцу, убийство которого открыло Александру I путь к власти. К. Маркс и Ф. Энгельс, считавшие лучшим полководцем Александра I М. Б. Барклай – де – Толли [13, с.94], полагали, что назначение М. И. Кутузова вместо М. Б. Барклая – де – Толли вообще произошло «благодаря интригам русских генералов» и «ропота русской армии по поводу того, что священной войной руководит иностранец» [13, с.93]. К. Маркс и Ф. Энгельс, конечно, и сами прекрасно понимали, что М. Б. Барклай – де – Толли не мог быть символом «священной войцны», чем прекрасно мог быть М. И. Кутузов. На символическую роль М. И. Кутузова обратил внимание В. Г. Белинский. Он писал: «... Этот человек (М. И. Кутузов – М.М.) есть не частное явление, а один из выразителей сущности народной жизни, один из представителей нравственного могущества своего народа, не Михаил, и не Ларионович, а просто Кутузов – имя символическое, из собственного сделавшееся нарицательным». [Цит. По: 17, с.424]. Символической фигурой русской истории станет и М. Б. Барклай – де – Толли. Когда однажды советское телевидение, представляя потомков героев Отечественной войны 1812 года, назвало фамилию одного из присутствовавших, а фамилия это была Барклай – де – Толли, то диктор сказал, что напоминать о том, кто из героев был предком этого молодого человека нет смысла, поскольку его (этого предка) знают все. Но тогда, летом 1812 года, М. Б. Барклай – де – Толли символом не был, символом он станет позже, когда А. С. Пушкин посвятит ему полное уважения и восхищения стихотворение «Полководец», когда над могилой его в Беклоре (ныне Йыгевисте, Эстония) будет создан памятный мавзолей. Но всё это потом, а пока символическая личность – это только М. И. Кутузов. А роль символа К. Маркс понимал не хуже символических интеракционистов Дж. Г. Мида [18 - 23], Т. Шибутани [3,4] и прочих представителей как чикагской, так и айовской школ символического интеракционизма. Чего только стоит его «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»[24]. Итак, символическое событие, Бородинское сражение, это схватка не только двух армий, но и двух полководцев, подлинных символов своего времени. О том, что М. И. Кутузов – личность символическая, мы читаем буквально у В. Г. Белинского [17, с.424]. О символическости Наполеона мы можем прочитать у того же К. Маркса [24] и у многих, многих других. Но вернемся к самому сражению. Восхищаясь планом Наполеона, Ф. Энгельс отмечает, что «план Наполеона был построен на ошибках Кутузова» [7, с.257]. Сразу же оговоримся, что миф об «ошибках Кутузова» Ф. Энгельс взял, ссылаясь на русского генерала К. Ф. Толя. Этот генерал, которому М. И. Кутузов всецело доверял, был на Бородинском поле фактическим начальником штаба М. И. Кутузова. Официально начальнику главного штаба Л.Л.Беннигсену, как убийце императора, которому М. И. Верно служил, и как подданному государству, главой которого был Наполеон (Ганновера – М.М.) не доверял абсолютно. Можно ли верить ссылкам на любимого М. И. Кутузовым генерала, которого М. И. Кутузов называл не иначе как Карлушей? Мог ли Карлуша Толь как – то опорочить своего любимого начальника, которым он по праву восхищался? Нет. Попытки использовать авторитет генерала К. Ф. Толя для очернения М. И. Кутузова с презрением отвергались К. Ф. Толем при его жизни. А после его смерти и его сыном. О чем свидетельствует письмо К. Ф. Толя Д. П. Бутурлину в связи с выходом в Париже его нашумевшей книги «История нашествия императора Наполеона на Россию». Отвергая порочащие М. И. Кутузова измышления, К. Ф. Толь прямо пишет, что делать это его обязывает «чувство благодарности к памяти покойного фельдмаршала, которое я почитаю священным, сердечным долгом сохранять и за пределами гроба». [Цит. по: 15, с.377]. Но прошло время. Генерал К. Ф. Толь умер. Умер и его сын, который продолжал дело отца по разоблачению попыток порочить М. И. Кутузова, эксплуатируя авторитет отца. В 1856 г. Бернгарди опубликовал семитомное (!) произведение под названием «Мемуары генерала Толя». Прикрываясь именем умершего генерала К. Ф. Толя и злоупотребив его военным журналом, Бернгарди в самой грубой форме извратил деятельность русских полководцев, особенно Кутузова. [15, с.376]. Такова цена ссылок западных авторов, в том числе и К. Маркса и Ф. Энгельса на «русского генерала Толя». [7, с.256 - 261]. Но вернемся к ходу сражения в описании Ф. Энгельса. Воспользовавшись «ошибками Кутузова», «французское правое крыло, разбив русское левое, уже в 12 часов заняло позицию непосредственно в тылу русского центра; тогда Даву и Ней стали умолять Наполеона поступить согласно его собственным тактическим принципам и довершить победу, бросив гвардию через Семеновскую в тыл русским. Однако Наполеон отказался...» [7, с. 259]. «Если бы Наполеон ввел в сражение свою гвардию, то, по словам генерала Толя (о цене этих слов см.: выше – М. М.), русская армия была бы наверняка уничтожена» [7, с.260]. Какой дурной Наполеон. Дурней самого Кутузова. Но дело в том, что ни М. И. Кутузов, ни Наполеон дураками не были. Они оба были гениальными полководцами. М. И. Кутузов серьезно планировал разбить Наполеона. Вспомним еще раз его донесение с Бородинского поля перед сражением «... Я имею большую надежду к победе» [12, с.177]. Интересную мысль о невозможности Наполеона применить гвардию высказал Л. Н. Толстой в своем 82 – страничном описании Бородинского сражения [49, с.193 - 275] «Некоторые историки говорят, что Наполеону стоило дать свою нетронутую старую гвардию для того, чтобы сражение было выиграно. Говорить о том, что было бы, если бы Наполеон дал свою гвардию, все равно, что говорить о том, что было, если бы осенью сделалась весна. Этого не могло быть. Не Наполеон не дал своей гвардии, потому что он не захотел этого, но этого нельзя было сделать. Все генералы, офицеры, солдаты французской армии знали, что этого нельзя было сделать, потому что упавший дух войска не позволял этого». [49, с.274 - 275]. Но не только в духе дело. Усли бы Наполеон ввел в бой гвардию, она уперлась бы в масловские артиллерийские флешы, так и не принявшие участия в сражении. Для контрбатареи борьбы артиллерии у Наполеона уже не было. Вообще в артиллерии французы существенно уступали русским (589 орудий против 624

орудий у русских, причем орудий гораздо больших калибров) [14, с.479]. У русских в резерве была пехота и два конных корпуса – у Наполеона резервов уже не было. Французская армия была бы остановлена огнем артиллерии масловских укреплений и оказалась бы охваченной слева всей армией М. Б. Барклая – де – Толли, справа – прошитой ею, но не разгромленной 2 – й армией и непонятно для чего

Оборудованными Кутузовым отсечными позициями левее 2 – й армии. Два конных корпуса повторили бы свой рейд в тыл французской армии (уже раз успешно проведенный в этот день), завершив окружение армии Наполеона. А если бы еще на левом фланге М. И. Кутузова уцелел корпус Тучкова, который полководец планировал держать скрытно, а Л. Л. Беннигсен загнал на Утицкий курган под главный удар всей армии Наполеона. Что остановило французского полководца перед применением последнего резерва, гвардии. Многие говорят, что рейд конных корпусов Платова и Уварова и разорение французских тылов, где особую роль сыграли крымскотатарские конные полки [25 – 38]. Может быть, они не поняли своей задачи и перестарались, за что М. И. Кутузов из всех генералов к наградам за Бородино не представил именно Платова и Уварова. Перестарался и П. И. Багратион, не дав Наполеону прорвать позиции своей армии. Но почему М. И. Кутузов не объяснил своих сокровенных планов? Он опасался утечки информации. Он боялся своего начальника главного штаба Л. Л. Беннигсена, ганноверскоподданного, а фактически подданного Наполеона, он опасался и не без оснований наличия в его войсках большого количества прусских офицеров (а Пруссия была официальной союзницей Наполеона в войне с Россией) .Но даже, не раскрывая своих карт, М. И. Кутузов заставил Наполеона следовать своей воле. Вот только в самом конце сражения гений полководца подсказал Наполеону необходимость перестать подчиняться воле противника. Сравним Аустерлиц: там австрийцы и русские подчинились воле Наполеона. Эту волю понял и не хотел выполнять М. И. Кутузов. Но на военном совете он дерзнул лишь бросить реплику во время чтения диспозиции Вейротера «а если противник атакует?» зная, что противник все – таки атакует. М. И. Кутузов удерживал четвертую колонну русских войск на Праценских высотах. Под высотами маршалы уговаривали Наполеона: «сир, атакуем высоты», на что Наполеон отвечал: «не будем мешать неприятелю совершать ошибку.» М. И. Кутузов ждал атаки французов, но ему помешал лично Александр 1, заставив его силой покинуть высоты. М. И. Кутузов разгадал план Наполеона при Аустерлице до начала сражения. Наполеон при Бородине лишь к концу сражения догадался о планах Кутузова, чем спас свою армию от поражения, а вовсе на лишил ее возможности одержать «полную победу» над Кутузовым.

Если рассматривать Бородинское сражение как символ с точки зрения разрабатываемой нами концепции парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций[34 – 46], можно прийти к выводу, что Бородинское сражение – это подлинный парадигмальный символ истории русского народа. Как и битвы на Неве, на Чудском озере, на Куликовом поле, под Полтавой, под Москвой в 1941 г. под Москвой, под Сталингоадом и на Курской дуге – Бородинская битва – это сражение оборонительное, а успехи русских в оборонительных сражениях и оборонительных войнах вообще характерны для народа с преобладающим женским началом. Именно таким народом и считает русский народ российский публицист и театральный критик В. П. Меженков [47, с.127]. И в памяти русских всегда всплывают прежде всего именно оборонительные битвы: на Неве, на Чудском озере, на Куликовом поле, под Полтавой, на Бородинском поле, под Москвой в 1941 г., под Сталинградом и на Курской дуге, а не последующие «десять сталинских ударов», включая штурм Берлина в 1945 г. и уж тем более не заграничный поход русской армии в 1813 – 1814 гг. и даже не взятие самого Парижа. Таков русский народ с преобладанием женского или иного начала, но именно таков. Он, как его великие полководцы, в том числе и М. И. Кутузов, предельно скромнен как до, так в ходе и, особенно, после великих сражений. Потому много говорят о том, что при Бородине Наполеон чуть ли не разгромил Кутузова, и совсем никто не говорит о том, что это Кутузов чуть ли не разгромил Наполеона на Бородинском поле. Л. Н. Толстой в последнем томе своего знаменитого романа «Война и мир» удивляется: «Мало того, что современники, увлекаемые страстями, говорили так, - потомство и история признали Наполеона grand (великий – М.М.), а Кутузова: иностранцы – хитрым, развратным, слабым придворным стариком; русские чем – то неопределенным, - какую – то куклой, полезною только по своему русскому имени... Для русских историков (странно и страшно сказать!) Наполеон – это ничтожнейшее орудие истории... - есть предмет восхищения и восторга; он grand! Кутузов же, тот человек, который от начала и до конца своей деятельности в 1812 году, от Бородина и до Вильны, ни разу ни одним действием, ни словом не изменяя себе, являет необычайный в истории пример самоотвержения и сознания в настоящем будущего значения события, - Кутузов представляется им чем – то неопределенным и жалким, и, говоря о Кутузове и 12 – м годе, им всегда как будто немножко стыдно».[48, с.192 - 193],[46, с.189]. А вот полякам почему – то не стыдно петь «войско польске Берлин брало, руске трохен помагало». А что здесь удивительного? Такие русские. Никто до сих пор не сказал того, что М. И. Кутузов мог в Бородинском сражении разгромить Наполеона. Самый «русский» из иностранных авторов, прошедший кампанию 1812 года в составе русской армии, выдающийся военный теоретик Карл Клаузевиц писал: «Кутузов, наверное, не дал бы Бородинского сражения, в котором, по – видимому, не ожидал одержать победу, если бы голоса двора, армии и всей России не принудили его к этому. Надо полагать, что он смотрел на это сражение как на неизбежное зло».[50, с.81]. Русский военный историк генерал Н. М. Михневич считал, что Кутузов решился на Бородинское сражение лишь с целью приобрести... моральное право оставить Москву. Как будто сдача Москвы, а не победа над врагом и была какой – то идеей – фикс старого генерала. «Бородинское сражение... - писал Н. М. Михневич, - было, как известно, очистительной жертвой за оставление Москвы. Отдать московские святые без боя было дело невозможное. Кутузов это понимал и, несмотря на то, что он был сторонником стратегии изнурения противника посредством постоянного уклонения от боя и отступления в глубь страны, всё – таки решил дать сражение на позиции у с. Бородина...»[51, с.125]. Да и так нужно было «изнурять» Наполеона, ведь к Бородину Наполеон пришел с 134 тыс. человек при 589

орудиях, а у М. И. Кутузова было уже 155 – 157 тыс. человек при 624 орудиях и орудиях гораздо более мощных по калибру, чем у французов [14, с.478]. А это данные самого последнего, второго издания Советской Военной Энциклопедии. Чуть ближе к истине подошел П. А. Жилин, мысли которого сводятся к двум основным положениям: 1) это сражение (Бородинское – М.М.) планировалось Кутузовым заранее и предпринято по его собственной инициативе; 2) основная цель состояла не только в том, чтобы обескровить противника, вывести из строя его лучшие силы и приостановить дальнейшее наступление, но и не допустить Наполеона к Москве. [15, с.172]. А на то, что М. И. Кутузов имел «большую надежду к победе» [12, с.177] и надежды этой не скрывал, никто не обратил внимания.

Обратят ли внимание на это обстоятельство, прочитав настоящую статью, сказать трудно – русские не сразу меняют устоявшиеся стереотипы. Да и цель статьи совсем не эта. Цель ее – доказать, что Бородинское сражение – это не только символ победы русского народа над наполеоновским нашествием, но и подлинный парадигмальный символ всей русской истории.

Источники и литература

1. Генон Рене. Символы священной науки = Simboles de la science sacree/Рене Генон; [пер. с фр. Н. Тирос]. – М.: Беловодье, 2004. – 408 с.
2. Генон Рене. Царство количества и знамения времени//Генон Рене. Избранные сочинения. Царство количества и знамения времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте. – Пер. с франц. 2 – е изд., испр. И дополн. – М.: «Беловодье», 2003. – 480 с. – С.7 – 302.
3. Шибутани Т. Социальная психология. Перевод с английского В. Б. Ольшанского. Общая редакция и послесловие профессора Г. В. Осипова. – М.: «Прогресс». – 1969. – 536 с.
4. Шибутани Т. Социальная психология. Сокращенный перевод с английского В. Б. Ольшанского. – М.: Астана: Ростов – на – Дону: Феникс. – 1999. – 544 с.
5. История русской армии и флота, т.3. – М., 1911, с.164.
6. Аджи М. Полынь половецкого поля. – М.: ТОО «Пик – Контекст». – 1994. – 352 с
7. Энгельс Ф. Бородино//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 – е изд. Т.14. – С.256 – 261.
8. Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962. – 415 с.
9. Федоров О. В., Ушаков В. К. Поле русской славы. М., 1979. – 199 с.
10. Жилин П., Ярославцев А. Бородинское сражение. М., 1952. – 100 с.
11. Тарле Е. В. Бородино. М., 1962. – 94 с.
12. Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания/Отв. сост. А. М. Валькович, Археологический центр. М., 1995. – 528 с., илл.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Барклай – де – Толли//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 – е изд. Т.14. – С. 256 – 261.
14. Жилин П. А., Смирнов А. А. Бородино//Советская Военная Энциклопедия: В 8 томах/ Пред. Гл. ред. Комиссии М. А. Моисеев. – 2 – е изд. – Т.1 – «А» - Булов. – М.: Воениздат, 1990. – 543 с. 30 л. ил. – С. 478 – 480.
15. Жилин П. А. Кутузов. Жизнь и полководческая деятельность. – М.: Воениздат, 1979. – 399 с., ил., 10 л. ил.
16. Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России. 2 – е изд., испр. И доп. М., 1974. – 451 с.
17. Белинский В. Г. Полн. Собр. Соч., т.1У. Спб., 1901.
18. Mead G. H. The philosophy of the present. Chicago: London, 1932.
19. Mead G. H. Mind, self and society. Chicago, 1934.
20. Mead G. H. Geist, Identitat und Gesellschaft aus der Sicht des Sozialbehaviorismus (hg. Von Ch. W. Morris). 1934.
21. Mead G. H. Geist, Identitat und Gesellschaft aus der Sicht des Sozialbehaviorismus (hg. Von Ch. W. Morris)? 1947.
22. Mead G. H. Geist, Identitat und Gesellschaft aus der Sicht des Sozialbehaviorismus (hg. Von Ch. W. Morris), 1968.
23. Mead G. H. The philosophy of the act. Chicago, 1938.
24. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта//Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 – е изд. – Т.8. – С. 115 – 217.
25. Масаев М. В. Русие ордуларында кырымтатарлар//Янъы дюнъя. – 1997. - №49 (361). – 12 декабрь. – С.5.
26. Масаев М. В. Они служили России//Крымское время. – 1997. - №245 (389). – 30 декабря. – С. 15.
27. Масаев М. В. Крымские татары в вооруженных силах Российской империи//Российская община Крыма Отечество. – 1998. - №1 (13). – январь. – С.5.
28. Масаев М. В. Полтора века службы татар Крыма державе Российской или боевой путь Крымского Конного Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка//Российская община Крыма Отечество. – 1998. - №2 (4). – март. – С.8.
29. Масаев М. В. К вопросу о службе крымских татар в Вооруженных Силах Российской империи//Культура народов Причерноморья. – 1997. - №2. – С.285 – 287.

30. Масаев М. В. Крымскотатарские конные полки в Отечественной войне 1812 года и в заграничных походах русской армии 1813 – 1814 годов//Российская община Крыма Отечество. – 1998. - №6 – сентябрь – октябрь. – С.4.
31. Масаев М. В. О службе татар Крыма державе российской//Русский вестник. – 1998. - №41 – 42.
32. Масаев М. В.Къырымтатарлар рус ордусында къайда не окъумак мумкюн//Янъы дюнъя. – 1998 сенеси. - №75 (438). – ноябрь 14. – С.7.
33. Масаев М. В. Историография вопроса участия крымских коннотатарских полков (1807 – 1817 гг) в войне против наполеоновской Франции в составе русской армии//Ученые записки Таврического экологического института. – вып.1. – Симферополь, 1999, - с.183 – 194.
34. Масаев М. В. Образ пострадавшей демократии в рамках интервального підходу (філософсько – історичний аспект)//Політологічний вісник. – Київ, 200, - №7. – С.116 – 124.
35. Масаев М. В. Парадигмальные образы как символы эпох//Культура народов Причерноморья. – 2000, - №14. – С. 132 – 136.
36. Масаев М. В. Научная парадигма и интервальный метод: соотношение. Понятие парадигмального образа в философии истории//Культура народов Причерноморья. – 2001. - №21. – С. 210 – 221.
37. Масаев М. В. Роль образа в интервальном подходе в философии истории//Культура народов Причерноморья. – 2001. - №22. – С. 199 – 205.
38. Масаев М. В. Место и роль ООН в парадигмальном образе грядущей эпохи//Международное право. – 4/2001/13. – С.296 – 304.
39. Масаев М. В. Парадигмальный образ современной цивилизации в свете геополитических построений и концепций глобального политического прогнозирования//Культура народов Причерноморья. – 2004. - №55, - т.3. –С. 203 – 204.
40. Масаев М. В. Феномен образного воплощения пространственно – временного континуума исторической рефлексии//Культура народов Причерноморья. – 2004. - №56, - Т.2. – С. 96 .
41. Масаев М. В. Крест как символ парадигмального образа эпохи христианской цивилизации//Культура народов Причерноморья. – 2004. - №56. – Т.2. – С. 96 – 106.
42. Масаев М. В. Чернобыль как символ в контексте постижения парадигмальных образов и символов эпох (философско – исторический аспект)//Культура народов Причерноморья. – 2005. - №57. – Т.2. – С.148 – 149.
43. Масаев М. В. Глобальные и региональные геополитические и международно – правовые последствия атлантического выбора Украины на фоне формирования парадигмального образа новой цивилизации (философско – исторический аспект)// Культура народов причерноморья. – 2004, - №48. – Т.1. – С. 160 – 168.
44. Масаев М. В. Символизм древнерусской культуры как зрительного образа в свете концепции парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций//Культура народов Причерноморья. – 2005. - №63. – С. 136 – 139.
45. Масаев М. В. Образ православной церкви как апокалиптической жены (В свете концепции парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций)//Культура народов Причерноморья. – 2005. - №63. – С.153 – 156.
46. Толстой Л. Н. Война и мир.,т.4./Толстой Л.Н. Собр. Соч., т.7.М.,1951.
47. Меженков В. П. Русские: истоки, психология, судьба. – М.: «Русская книга», 2003. – 696 с.
48. Толстой Л.Н. Война и мир.,т.4.М.: Художественная литература, - 1968. – 376 с.
49. Толстой Л. Н. Война и мир.,т.3. М.: Художественная литература, - 1968. – 424 с.
50. Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937.
51. Михневич Н. П. Основы русского военного искусства. Спб.,1888.

Ниметулаева Г.Ш.

КРЫМ – КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ В ЦЕЛЯХ ОХРАНЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ И РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ

Понятие охраны земель определено в ст. 162 Земельного кодекса Украины как система правовых, организационных, экономических и других мер, направленных на рациональное использование земель, предотвращение необоснованного изъятия земель сельскохозяйственного назначения, защиту от вредного антропогенного влияния, воссоздание и повышение плодородия почв, повышение производительности земель лесного фонда, обеспечение особого режима использования земель природоохранного, оздоровительного, рекреационного и историко-культурного назначения [1]. Земли Крымского полуострова подвержены постоянному влиянию экзогенных, эндогенных, а также антропогенных процессов. При этом происходят оползни, селевые потоки, водная и ветровая эрозия, абразия, выветривание, загрязнение отходами, истощение, осушение и так далее, что приводит к изменению ландшафта, рельефа, структуры почвы.

В связи с увеличением освоения земель жилищной и общественной застройки в Крыму, а также их приватизацией, обеспечение экологической безопасности, рационального использования и экономической эффективности в большой степени зависит от решения комплекса научных и практических задач, связанных с интенсивной геодинамической активностью и антропогенным влиянием на экосистемы данной территории.